

РАЗРЕШИТЕ по-
знакомиться вас с
главными дей-
ствующими лицами
спектакля Московского
драматического театра

„ТРЕХГРОШОВАЯ ОПЕРА“

имени К. С. Станиславского «Трехгрошовая опера». Мекхит — «красавец мужчина» и знаменитый бандит. Не удивительно, что от такого зятя отказывается даже «друг нищих» Пичем, человек, не лишенный здравого смысла, хотя и не претендующий на безукоризненную репутацию. Этот старый проходимец держит в ежовых рукавицах своих «клиентов» и сумел прибрать к рукам даже шерифа полиции Брауна. «Пантера Браун» — так окрестили его леди и джентльмены из Сохо. (Автор этих строк никогда не бывал в Сохо, но, смею вас заверить, это не самый феешенбельный квартал британской столицы). «Пантера Браун» очень сентиментален, и его трогательная любовь к Мекхиту, подогреваемая процентами с доходов процветающего жулика, кажется непоколебимой.

Не последнюю роль в «Трехгрошовой опере» играет хозяйка веселого дома — одна из многочисленных возлюбленных Мекхита. Бедняжка Джени! Не рассчитывайте, что она окажется благороднее других. Для этого просто нет никаких оснований.

Да, вы еще ничего не знаете об очаровательной Полли Пичем. Девушка, что надо! Такие выходят иногда замуж за американских миллионеров или становятся знаменитыми цитионками.

Теперь представьте всю эту компанию на самом «дне» капиталистического Лондона.

Мекхит — в зените! У него уже почти достает денег, чтобы заняться грабежом, не нарушая законы, а в полном с ними соответствии — например, стать банкиром. Все идет прекрасно!.. Но над головой удачливого Мекхита уже собираются грозные тучи. Разъяренный папа Пичем пригрозил Брауну: если на заре Мекхит не будет повешен, то его подопечные, вся эта наделенная приобретенными на время в конторе Пичема болезнями и уродствами свора сумеет испортить настроение повелительнице британских островов в день коронации. Дьявольский ход! Можно ли

винить шерифа полиции, что, оберегая покой высочайшей особы и собственную шкуру, он отдал приказ об аресте своего лучшего друга?

Меки-Нож доживает последние минуты. Наступил час справедливого возмездия. Боже, храни королеву! На эшафоте Мекхит с петлей на шее. Минута — и... Но, оказывается, напрасно огорчались (правда, не слишком) жены Мекхита, его вероломные возлюбленные и продажные сообщники, напрасно торжествовали его недруги — прискакавший в буквальном смысле верхом на палочке «королевский вестник» (конечно же, это шериф Браун) сообщает отличную новость: преступник помилован! Королева жалует Мекхиту дворянское звание, замок Мармалель и пожизненную ренту! Боже, храни королеву!

Зрители покидают зал, напевая полюбившуюся мелодию Вейля... Настроение веселое, приподнятое... Таков спектакль. А какова пьеса Бертольта Брехта?

ВСПОМНИМ, что «Трехгрошовую оперу» автор определял как «провокационное» произведение, разумея под этим, вероятно, что блестящая сценическая форма, занимательный сюжет здесь — только наиболее впечатляющее средство для неумолимых разоблачений. И конечно, и место действия, и действующие лица: нищие, воры, проститутки — это главным образом авторское «приспособление» для изображения капиталистического общества. В грязном зеркале Сохо ярко отражаются буржуазные нравы. Вспомним также, когда и для кого была написана пьеса. Для зрителей капиталистических стран эти жанровые картинки из жизни люмпен-пролетариата — реально существующий быт реально существующей части общества. Намеки, параллели, реплики и особенно «баллады», в которых сосредоточена публицистическая мысль пьесы, воспринимают они

чрезвычайно остро. Одни — потому, что чувствуют себя объектом критических стрел автора, другие — потому что пьеса Брехта помогает понять простую, но тщательно маскируемую столпами буржуазного общества правду: нажива и преступление — родные сестры, бизнесмен и разбойник — родные братья. Вывод этот приводил «власть имущих» в бешенство, а неимущих — в восторг.

«Трехгрошовая опера» — произведение критического направления. Автор хотел заставить зрителей «задуматься над основами капиталистического общества, усомниться в справедливости и состоятельности этого общества». Однако уже очень скоро, по мере развития мировоззрения Брехта, эта «программа-минимум» перестала удовлетворять драматурга и, возвращаясь к заинтересовавшему его сюжету, Брехт каждый раз стремился к усилению сатирического звучания, к более крупным социальным обобщениям.

Представим себе, что Бертольт Брехт посетил бы «Трехгрошовую оперу» в Театре Станиславского... Я не беру на себя смелость отрицать спектакль с позиций автора, но одно можно сказать с уверенностью: он предложил бы (как в свое время пытался сделать это в сценарии «Трехгрошового фильма») усилить в постановке московского театра «боевую политическую тенденцию». Не следует забывать, что «Трехгрошовая опера» написана не с добродушной улыбочкой, а во гневе, не иронизируя, а уничтожая. Обращаясь к этому сюжету, Брехт смотрел на него, пожалуй, не столько глазами Джона Гей, у которого он его заимствовал, сколько глазами великого сатирика Джонатана Свифта, подсававшего Гейу эту тему. Принимая к постановке «Трехгрошовую оперу» сегодня, театр располагает уже всем творчеством «любознательнейшего Брехта», претерпевшего горечь эмиграции, стыд и боль за тяжкие преступления, совершаемые людьми, говорящими на его родном языке, убежденного борца за мир, страстного антифашиста, который через много лет после создания «Трехгрошовой оперы» предупреждал нас («Карьера Артура Уй») об опасности фашистского «ренессанса»:

...Еще плодоносить способно
чрево,
В котором мы вынашивали
гада..

И, конечно, советские художники должны читать ранее произведение Брехта с высоты его творчества последних лет!

Высказывая свои соображения, я меньше всего претендую на «первооткрывательство» этих широко известных и никем не оспариваемых истин. Больше того, я прекрасно понимаю, что и весь коллектив, и прежде всего постановщик С. Туманов искренне к этому стремились и немалого достигли. Так почему же иногда происходит недопустимое смещение акцентов, досадный крен в сторону чистой развлекательности?!

НА ПРИМЕРЕ этого спектакля нетрудно убедиться, что актеры наши, тоскующие по интересной пьесе, не всегда готовы по-настоящему ее сыграть. Об этом следует задуматься серьезно, особенно молодым. Иначе многих ждут неудачи, парадоксальные в своем существе (как это случилось с некоторыми участниками «Трехгрошовой оперы»). Получив долгожданную возможность «блеснуть» профессиональной техникой, мастерством, актеры не всегда умеют этой возможностью воспользоваться: не всегда они владеют формой настолько, чтобы она в первую очередь служила средством выражения мысли, идеи произведения, подтверждая тем самым, что мастерства, которым хотелось бы «блеснуть», явно не хватает. Так, скажем, исполнительнице роли Джени (Н. Животова), счастье избежавшей штампов, при помощи которых изображают обычных стареющих «жриц любви», не вполне удается легкость фразировки и естественность голосоведения в куплетах сочетать с драматической и сатирической их сущностью... Джени у Брехта — фигура почти трагическая, что не всегда подтверждается актрисой. А ведь «Трехгрошовая опера» построена именно на приеме нарочитых противоречий между формой и содержанием, служащих необыкновенно сильным средством сатирического обличения: пока капиталистическое «чрево» способно плодоносить, оно будет порождать только нищету, угнетение, расовую дискриминацию и разрушительные войны. Разве не «цвет» капиталистического мира обеспечил возможность реализовать человеконенавистнические идеи фашизма? И ведь именно среди подонков общества находил фашизм наиболее жестоких и неистовых палачей. С этой точки зрения дружба между преступником Мекхитом и блюстителем законов Брауном воспринимается как философское обобщение: стоящие на самой нижней и на самой верхней ступеньке капиталистического общества едины в полном отсутствии человечности. Деньги — их бог. Путь к престолу этого жестокого божества лежит через предательство (предает ли в расчете на несколько пенни или на миллион долларов, существо дела от этого не меняется). Путь лежит через разорение мелких хищников хищниками крупными. На пути своем эти современные конквистадоры, так же как и их озверелые предки, сено только горе и смерть.

НЕЛЕГКО измерить и тем более исчерпать глубину брехтовских мыслей, нелегко также и стать хозяином своеобразной брехтовской формы, подчинить ее сверхзадаче своего образа, сделать проводником яркой публицистической идеи спектакля. И некоторые исполнители всерьез или невольно скользят по ее блестящей поверхности... Это в большой мере относится к В. Анисько (Мекхит), которому можно посоветовать (отталкиваясь прежде всего от авторских комментариев) меньше беспокоиться о том, чтобы оправдать успех своего героя у жейцин, и решительнее утверждать нас в мысли, что Мекхит отнюдь

не благородный разбойник, вроде шиллеровского Карла Моора, и давно уже созрел для виселицы или поста руководителя крупного концерта (что, по существу, для Брехта одно и то же).

Наибольшего творческого успеха добились пока актеры Леонов, Савченко, Ляхницкий и Салант, хотя и их роли могут и будут, разумеется, расти вглубь.

«Друг нищих» Пичем (Е. Леонов) вполне убеждает нас, что спекулировать на человеческом эгоизме (который он с чисто английским юмором именует «чувством сострадания») ничуть не хуже, чем делать бизнес на банковских операциях. Ясно ощущается перспектива роли у Л. Савченко (Полли). Актриса многого добилась, но оставляет приятную уверенность, что может сделать еще больше. Ироничеки-добродушная манера С. Ляхницкого (уличный певец) весьма способствует атмосфере праздничной театральности. В конце концов уличный певец — единственный человек, который сравнительно честно зарабатывает хлеб, развлекая воров и проститутку. И, вероятно, не случайно он не принимает никакого участия в сюжете, ограничиваясь комментариями, помогающими сохранять возникший между сценой и зрительным залом контакт. До конца правдив, правдив по отношению к жанру и к своему герою Н. Салант. «Пантера Браун» — отвратительный лицемер и ханжа. Он капризен, как избалованный ребенок, и жаден, как стареющая потаскушка. Отправляя своего лучшего друга на виселицу, он заказывает для него спаржу, но ссорится с ним из-за последнего «гонорара». Он сердится, что Мекхиту не хочется умирать, и если бы казнь состоялась, вероятно, непременно похлопотал бы о спасении его души. Мы понимаем, что Браун — страшный человек, но смеемся над ним — актер помнит, что играет сатирическую комедию.

КОЛЛЕКТИВУ, обратившемуся к этой пьесе, следует прежде всего подумать о профессиональном уровне труппы. Недостаток мастерства может привести к тому, что сатирическое произведение обернется сомнительной опереткой с элементами детектива и фарса.

Стремиться к усилению социального, обличительного звучания замечательной пьесы замечательного немецкого писателя — к этому обязывает театр профессиональное достоинство, гражданское чувство советских художников и дорожие нам имена Бертольта Брехта и Константина Сергеевича Станиславского.

Н. РУМЯНЦЕВА.

Александр Акулиничев, 1963, 6 июня